

111103
Июль 1918.

№.

ИЗВЕЩАНИЕ

№ 05
872

КОДЕ РАБОТЪ :

- Т. СЕЗОНОВЪ : „СЪСТАВЪ И СЪДЪРЖАНИЕ РАБОТЪ“ (1918 г.).
- Т. СЕЗОНОВЪ : „МАШИНОСТРОЕНИЕ И МЕХАНИКА“ (1918 г.).
- Т. СЕЗОНОВЪ : „РАБОТНИКЪ И РАБОТА“ (1918 г.).
- С. СЕМЕНОВЪ : „НАШЕ СЕДНЯШНЕ“ (1918 г.).
- Т. СЕЗОНОВЪ : „ОБЪЕМЪ РАБОТЫ“ № 21.
- Т. СЕЗОНОВЪ : „ПРОИЗВОДСТВО“ № 21.
- А. ПЕТРОВЪ : „УЧЕБНИКЪ ПО РАБОТЪ“.
- С. СЕМЕНОВЪ : „ПРОИЗВОДСТВО О РАБОТЪ“.

ИЮЛЬ 1918. № 4

ИЗВЕЩАНИЕ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫМЪ
РАБОТНИКАМЪ РАБОТЫ.

1147 846

OK

Много ли человеку надо.

(РАЗСКАЗЪ).

Сцѣпщикъ вагоновъ, Андрей Рязанцевъ, одѣвался на дежурство, а жена его—Дарья собирала ему кое-что изъ провизіи. Въ небольшой, съ голыми стѣнами, избѣ Рязанцева, на всемъ, что бросалось въ глаза, лежалъ отпечатокъ незажиточности.

— И такъ, Дарья,—говорилъ Андрей,—обращаясь къ своей женѣ,—кабы намъ приобрѣсти еще одну корову, то куда бы было хорошо! Какъ ты думаешь?

— Охъ, не загадывай впередъ,—замѣтила Дарья,—што Господь послалъ, тѣмъ и довольствуйся... Вѣдь есть двѣ коровы, и славу Богу!

— И глупа же ты, баба, ой какъ глупа, посмотрю я на тебя.

— Ну, а какъ же?

Андрей не сразу отвѣтилъ. Онъ молчалъ, нахмуривъ свой лобъ, и неровными шагами ходилъ изъ угла въ уголъ своей хаты.

Дарья, робкая и застѣнчивая женщина, испуганно моргала глазами, молчала и ежилась.

Такъ прошло минутъ пять, послѣ чего Рязанцевъ остановился передъ своею женой, посмотрѣлъ ей въ лицо и съ серьезной дѣловитостью проговорилъ:

— Ты видишь, у насъ дѣти, а о нихъ надо заботиться,—ихъ надо учить грамотѣ. Ты знаешь—ученье свѣтъ, а неученье—тьма! Мы-то съ тобой скоротали свой вѣкъ въ темнотѣ да въ невѣжествѣ, а дѣтей я до этого не допущу. Нѣтъ... Дѣтямъ нужна жизнь, полная свѣта и тепла, а не прозябанья, что только и видитъ нашъ братъ—неучь... Ты меня понимаешь? Пусть наши дѣти постигнутъ знанья и эти знанья пусть потомъ несуть въ среду не знающихъ свѣта... Вотъ что!..

— Охъ, Андрей, и мудренно же ты говоришь, охъ, какъ мудренно. Все бы тебя слушала да разумѣла... но только...

— Ну что только?—прервалъ Андрей свою жену. Дарья чуть-чуть оробѣла, переминалась съ ноги на ногу и молчала, а воспаленныя вѣки ея безцвѣтныхъ глазъ мигали чаще обыкновеннаго.

— Ну, что же ты замолкла?

— Да видишь ты,—робко начала Дарья,—все это хорошо, да кабы не было худо...

— То-есть, какъ худо?

— Да видишь ли, кабы не было тяжело съ тремя коровами-то. Пожалуй, придется тебѣ оставить службу. Вотъ што... А обучить грамотѣ-то и теперь, мы, кажись, можемъ.

— Какъ ты была баба, такъ ею и будешь всю твою жизнь. Ну, къ чему несешь такую чушь? Уволиться, это значитъ, не получать ежемѣсячнаго жалованья, которое при трехъ-то коровахъ мы будемъ сберегать дѣтишкамъ на образованіе, да и себѣ не мѣшаетъ откладывать про черный день! Я знаю что трудненько будетъ. Служба сама по себѣ—адъ! Ну, что дѣлать? Потрудимся на пользу ребяткамъ, а тамъ, глядишь, Господь Богъ не оставитъ и насъ безъ вниманія, вознаградитъ насъ за доброе желаннѣе покоемъ. Пусть они познаютъ свѣтъ и не знаютъ тяжелаго труда!

— Ну, дѣлай, какъ знаешь... Ты мужчина, ты умный, а я... я баба... глупая...

Послѣднія слова Дарья проговорила почти шепотомъ, послѣ чего она что-то стала дѣлать у печки.

Андрей также больше не проронилъ ни единого слова. Онъ, молча, взявъ сумку съ провизіей и вышелъ наружу.

Стояло теплое июльское утро. Небо было чистое, ясное. Все, что бросалось въ глаза, было залито золотымъ свѣтомъ утренняго солнца. Вокругъ тихо. Ни жужукнетъ ни что-нибудь. Только въ воздухѣ, какъ въ волнахъ моря, ныряли птицы, весело щебечя свои незатѣйливыя звонкія пѣсни, звонкія, серебристыя...

До станціи Жмакино, на желѣзной дороги, гдѣ Рязанцевъ служитъ сцѣпщикомъ вагоновъ, было около полуторы версты разстоянія, и весь этотъ путь лежалъ полемъ, засѣяннымъ ржанымъ хлѣбомъ.

Еще было рано, а потому Андрей не особенно спѣшилъ на дежурство. Онъ со страстною любовью смотрѣлъ на высокую сочную рожь, которая отъ легкаго дуновенія вѣтерка колыхалась въ нѣжной истомѣ и тяжеловѣсными головками колосьевъ звенѣла полевые арии...

Вправо, на пригоркѣ видѣлись высокіе подсолнухи, которые, какъ провинившіеся школьники, наклонили свои желтыя головы.

Кое-гдѣ у огородной загороди бродили коровы, слышалось монотонное блеяніе овецъ, и гдѣ-то громко лаяла собака.

Все это ласкало глаза, радовало душу и наполняло сердце счастьемъ.

— Боже мой, какая прелесть!—воскликнулъ Андрей перепоиненный радостныхъ чувствъ и затянулъ свою любимую пѣсню, которая была полна безконечной любви къ крестьянскому житью-бытью, къ родной деревушкѣ Безродной, окаймленной съ трехъ сторонъ бархатистою дугою зеленыхъ полей, а съ четвертой—полотномъ желѣзной дороги, за которыми стоялъ высокій густой лѣсъ, чудный и загадочный, погруженный въ зеленыя думы.

И стройный, не лишенный красоты и музыкальности голосъ Андрея, мастерски исполняя пѣсню, простую русскую пѣсню, которая лилась и журчала, какъ нагорный ручей по каменистому дну, то подымалась и ширилась глубоководной рѣкою, то снова входила въ свои берега и текла по намѣченному руслу, тихо, тихо бѣжала, пережитая, почувственная сердцемъ сына народа...

— Эхъ-ма! Люблю тебя, моя деревушка!

„Залита солнцемъ долина безбрежная;

Въ воздухѣ весело птицы поютъ“.

Голосъ Андрея звенѣлъ, какъ струны арфы, нѣжно и приятно, благотворно дѣйствуя на слухъ рокотомъ звуковъ. А звуки, могучіе, стальные, росли и ширились, взлетѣли вверхъ, рѣяли въ воздухѣ вмѣстѣ съ голосами птичекъ, потомъ опускались внизъ, скользили по колосьямъ, журчали, лестѣли въ высокой травѣ и замирали въ зеленомъ гдѣ-то далеко, далеко, разносимые вѣтрами. Улыбалась и солнце, улыбалась земля и рожь, и было радужно въ...

Тихо шествовало бѣлое утро...

Черезъ часъ Андрей уже былъ на станціи, на дежурство и исполнялъ свои обязанности. И все время своей работы онъ не переставалъ думать, какъ бы ему улучшить свои семейныя дѣла, повысить доходность своего заработка, отъ котораго хоть бы немного можно было удѣлить дѣтямъ на образованіе. А дѣтей у Андрея было трое: два мальчика и дѣвочка.

— А хорошо-бы Ванянку выучить въ фельдшера, а Васятку—въ учителя, думалъ Андрей. И эта мечта, крылатая, радостная, счастливая, но неосуществимая для бѣдняковъ, часто захватывала Андрея, увлекала его до самозабвенія, онъ терялся, иногда путая составъ поѣзда, во время марш-руль. Наступилъ полдень. Стояла жара, и было нестерпимо душно... Счастливымъ казалось одно солнце на безоблачномъ небѣ, а все остальное было погружено въ грустное ожиданіе настроеніе и съ невыразимою тоской жаждало дождя.

На станціи слышался характерный лязгъ запасныхъ колесъ, стукъ вагонныхъ буферовъ и рѣзкіе свистки паровоза.

— Рязанцевъ!—вдругъ послышался надтреснутый голосъ дежурнаго по станціи.

— Что прикажете, Александръ Степановичъ?

— Надо будетъ освободить второй бакланскій проходъ...

— Слушаю.

И Рязанцевъ, оторвавшись на мигъ отъ своихъ мечтаній и грезъ, стремительно бросился исполнить приказаніе своего начальства.

До прихода поѣзда № 35 оставалось всего несколько минутъ, а потому надо было спѣшить съ выполненіемъ правилъ инструкціи.

Надо было...

— А...

В...

Послышался свистокъ сѣпщика, сигнальный рожокъ стрѣлочника, на что паровозъ отозвался условнымъ сигналомъ и тихо и медленно надвинулся на рядъ вагоновъ, толкнулъ ихъ, и вагоны, разсѣпленные въ нѣсколькихъ мѣстахъ, стукнулись буферами, заскрипѣли рессорами, звякнули цѣпями и разошлись.

— Видишь ты, каналья!—проворчалъ Андрей.

И снова послышался свистокъ Рязанцева, рожокъ стрѣлочника, и паровозъ снова сталъ медленно надвигаться на вагоны, а Андрей, съ присущей ему ловкостью, сѣпнул ихъ паркопами, выскочилъ на свободное мѣсто и далъ три короткихъ свистка.

Паровозъ отозвался на сигналъ и всталъ.

На мигъ, какъ будто все, смолкло.

— Ну, Алѣксеичъ съ Богомъ!

Андрей снова далъ условный сигналъ, на что паровозъ громко рывкнулъ, зашипѣлъ парами и тронулся впередъ, а за нимъ потянулся рядъ вагоновъ, и бакланскій путь былъ освобожденъ.

— Ну, славу Богу!—проговорилъ Андрей, обтирая рукою потъ съ лица.—Все благополучно...

Спустя нѣсколько минутъ, басовитый свистокъ паровоза далъ знать о приближеніи воинскаго поѣзда. Послышались рожковые сигналы стрѣлочниковъ. Поѣздъ быстро входилъ на станцію.

Рязанцевъ стоялъ недалеко отъ входной стрѣлки, задомъ къ входившему поѣзду и сосредоточенно смотрѣлъ въ сторону своей деревушки.

Онъ сдѣлалъ свое дѣло, и ему не было никакого дѣла до поѣзда № 35.

Было тихо и жарко...

Андрей заложилъ обѣ руки назадъ и стоялъ лицомъ къ своей деревушкѣ, погружаясь въ свои мечты.

Онъ видѣлъ вдаль свою хату, а возлѣ нея, на зеленой лужайкѣ, бродили его двѣ коровы. Вправо колыхалась высящаяся рожь, а влѣво стояли подсолнухи, погруженные въ желтыя думы.

Но вотъ изъ калитки Андреевой избы вышла женщина, съ небольшимъ деревяннымъ ведромъ въ рукахъ. Это была Дарья. Она шла къ коровамъ.

Видишь ты, идетъ доить, а, поди, не захватила съ собою хлѣбца.

Коровы щипали траву, лѣниво пережевывая свои жвачки, и Дарья смирно смотрѣла по сторонамъ, отмахивая хвостомъ назасаливыхъ мухъ.

Дарья сперва подошла къ Чернявкѣ, но та мотнула головой и отбѣжала въ сторону.

Андрей все это видѣлъ и хотѣлъ было крикнуть — „а ты принесла кусочекъ хлѣбца?“ но воздержался, соображая, что все равно это будетъ бесполезно.—Черезъ такую даль все равно его голосъ не будетъ услышанъ Дарьей.

— Непремѣнно въ базаръ куплю корову,—мечтаетъ вслухъ Рязанцевъ, и, погруженный въ думы, онъ не слышитъ, какъ стрѣлочникъ Герасимъ, что стоитъ у входной стрѣлки, кричитъ ему:

— Андрей, сойди съ пути!

Андрей стоитъ и думаетъ:

— А хорошо бы Ванятку выучить въ фельдшера, а Ванятку—въ учителя. Куда бы хорошо... И намъ бы тогда съ Дарьей быть покой.

— Андрей сойди съ пути!—послышался снова голосъ Герасима.

Но Рязанцевъ не слышалъ и попрежнему стоялъ задомъ къ входившему поѣзду и радужно мечталъ о домашнемъ хозяйствѣ, облекая все въ фантастическія иллюзіи, и утопая въ розовыхъ краскахъ будущаго счастья.

— Рязанцевъ!.. Уйди скорѣе!..

Послѣдній крикъ Герасима настолько былъ громокъ, что Андрей очнулся отъ раздумья, обернулся лицомъ къ воинскому поѣзду, но, прежде чѣмъ сообразить, въ чемъ дѣло, онъ былъ сбитъ съ ногъ стружкой тормазного вагона.

Андрей упалъ на песокъ, посреди двухъ рельсъ, такъ что руки его пришлись какъ разъ на рельсахъ, по которымъ проходилъ поѣздъ.

Послышался рѣзкій крикъ...

Въ эту самую ужасную минуту Андрей почувствовалъ, что-то страшное, почувствовалъ, что смерть придетъ сейчасъ, захватитъ его безпощадно своею косою надъ его головой

дыхнетъ ему въ лицо и засмѣется своимъ беззубымъ ртомъ, полнымъ могильнаго запаха.

Рязанцевъ чувствовалъ, какъ что-то тяжелое навалилось ему на руки, страшная боль передернула все тѣло, а сердце учащенно застучало, заработало. Въ глазахъ запрыгали разноцвѣтные огоньки. Андрей еще не утерялъ сознание и хотѣлъ было встать на ноги. Но—увы!

Въ то время, какъ онъ только немного поднялся, его стукнуло въ голову подножкой одной теплушки и разбило его черепъ. Кровь хлынула широкой струей, и Андрей снова упалъ на песокъ, но только замертво, раскинувъ свои искалѣченные ноги и руки.

Жизнь окончена...

Поѣздъ прошелъ и остановился. Сбѣжались станціонные служащіе и кое-кто изъ проходящихъ мимо частныхъ лицъ, и долго и безтолково суетились около мертваго тѣла Андрея, бесполезно толкались на одномъ мѣстѣ, попадая ногами въ лужи крови, кричали, ивые слезно всхлипывали, а сзади кто-то ругалъ начальство за недосмотръ въ вагонахъ.

— Какъ это случилось? спрашивалъ кто-то.

— Кто видѣлъ?—любопытствовали другіе.

— Да я кричалъ ему, сойди, а онъ, навѣрно, не слыхалъ.. Ну, вотъ его и того...

— Да какъ это случилось?

— Случилось?—какъ бы переспросилъ Герасимъ.—Да очень просто... Вонъ длинная струнка у вагона сорвалась съ одного болта. ну и везлась по землѣ, заматая все по пути. Я это замѣтилъ, когда вагонъ проходилъ мимо меня и сталъ кричать Андрею, чтобы, значить, онъ сошелъ съ пути. а онъ, зная, не слыхалъ, о чемъ-то все думалъ, мечталъ; ну вотъ его прихватило стрункой и сбilo подъ вагоны. То-то наша нужда!.. Вѣрно, не живи, какъ думаешь, а живи, какъ Богъ велитъ...

Народъ все еще толпился вокругъ Рязанцева, а Рязанцевъ лежалъ поперекъ шпаль, между холодныхъ стальныхъ рельсъ, въ лужѣ крови, дерзко блестящей на солнцѣ.

Лежалъ Андрей неподвижно, откинувъ голову, а облитое кровью лицо, съ страдальческой улыбкой на губахъ, смотрѣло въ сторону деревушки Безродной.

Такъ и думалось, что вотъ-вотъ сейчасъ Рязанцевъ очнется и скажетъ:

— „А хорошо-бы Ванятку выучить въ фельдшера, а Ванятку—въ учителя.“

Петръ Страдалецъ.

Цвѣтокъ въ пустынѣ.

Въ пустынѣ суровой, далекой
Разцвѣлъ одинокій цвѣтокъ;
Пекло его жгучее солнце,
И сѣкъ его мертвый песокъ.

Но гордо сносилъ онъ невзгоды,
На грудь головы не клонилъ,
И лишь въ забытьѣ,—лишь мечтою,
Далеко себя уносилъ...

Онъ видитъ—широкое поле,
Рѣка хрусталами горитъ,
Близъ рѣчки—долина съ цвѣтами,
И онъ между ними стоитъ...

Какъ счастливъ онъ тутъ безконечно!..
Забыты всѣ пытки огня.
Онъ видитъ привѣтъ и улыбку
Во взорѣ весенняго дня...

Все пчелки кругомъ, поцѣлуй.
Все пташки поютъ съ высоты...
Но быстро проходитъ забвенье,
Какъ рой, улетають мечты...

Передъ нимъ, безконечно—далеко,
Все тѣ же—пустыня, песокъ...
И, вырванный бурей, подъ солнцемъ
Засохъ одинокій цвѣтокъ...

А. Пришелецъ

1. 147846
Пензенская область,
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ю. Лермонтова

Кедарь-Эбнь-Рашидь.

(Поэма.)

I.

Въ одномъ изъ древнихъ городовъ
Земли сирійскаго востока,
Подъ сѣнь оливковыхъ садовъ
Вступалъ, пришедшій издалека,
Съ тяжелымъ грузомъ караванъ.
И по одеждамъ, полнымъ пыли,
Всѣ безошибочно судили,
Что видѣлъ онъ немало странъ,
Пока на улицѣ безлюдной
Не встали кони и верблюды.
Когда вводили вожаки
Своихъ животныхъ въ дворъ укромный
И относили въ домъ огромный
Окованные сундуки,
То всѣ сосѣди понемногу
Сошлись спокойною толпой
И обсуждали: кто такой.
И хорошо ль прошелъ дорогу.
И человѣкъ нестарыхъ лѣтъ,
Въ одеждѣ явно нетуземной,
Давалъ для всѣхъ одинъ отвѣтъ,
Что знатный баринъ иноземный,
Кедарь—Мюбарекъ—Эбнь—Рашидь
Сюда прибыть благоволить;
А онъ, его слуга покорный,
Чтобъ все устроить попроворнѣй,
Со всѣмъ дорожнымъ багажемъ,
Приготовлять прѣхаль домъ!
То былъ товарищъ и слуга
Въ неустойчивомъ снѣ скитаній;
Лѣса, утесы и луга
И всѣхъ морей восточныхъ грани
Его видали вмѣстѣ съ тѣмъ,
Кого онъ звалъ своимъ владыкой
И кто, гонимый скорбью дикой,
И самъ, не вѣдая зачѣмъ,
Какъ бригъ, затерянный въ туманахъ,
Когда свирѣпствуетъ Борей,
Скитался долго въ чуждыхъ странахъ.
Слуга былъ родомъ изъ Тигрэ,
Его Алулой звали люди
Тамъ, въ Абиссиніи родной,
Гдѣ онъ оставилъ домикъ свой;
Но, средь скитаній и безлюдій,
Ужъ сталъ онъ имя забывать.
Но мы и впредь не позабудемъ
И до конца повсюду будемъ
Его Алулой называть.

Поразузнавши все, домой,
Къ себѣ сосѣди возвращались.
Пока верблюды разгружались
И шли къ рѣкѣ на водопой,
Нашъ абиссинецъ темноликій,
Сдержанъ не въ силахъ рьяный пылъ,
Со всѣмъ усердіемъ великимъ
Сейчасъ же къ дѣлу приступилъ,
Чтобы ни соръ, ни паутина,
Ни подоконники въ пыли
Обидѣть взора не могли
Его больного господина,
Который нѣкогда ему
Спасъ жизнь въ равнинахъ жаркой Коллы,
Когда ужъ былъ готовъ тяжелый
Ударъ свой буйволъ нанести,
Но тотъ успѣлъ еще спасти
Неумолимо-мѣткой пулей,
Для вѣчной дружбы, жизнь Алулъ.

II.

Какъ кипарисъ, высокъ и строенъ
Кедарь—Мюбарекъ—Эбнь—Рашидь;
Огнемъ мятежнымъ взоръ горитъ,
А ликъ надмененъ и спокоенъ,
И блѣдень цвѣтъ его ланитъ.
И на челѣ зигзагомъ рѣзкимъ
Двѣ борозды, между бровей,
Легли въ наслѣдье бурныхъ дней;
Но губъ насмѣшливый изгибъ
Лицо какимъ-то дѣлалъ дѣтскимъ.
А по манерамъ слишкомъ свѣтскимъ
Вы распознать легко могли бъ,
Подъ бѣлымъ ханкомъ араба,
Питомца западной земли.
Но, чтобы ближе на пути
Ко всѣмъ народамъ подойти,
Кедарь костюмъ туземный носитъ
И называется вездѣ
Тѣмъ именемъ, какимъ нигдѣ
Его никто не звалъ въ Европѣ.
Тоска безсонная торошитъ,
Какъ голосъ Вѣчнаго Жида,
И слишкомъ долго никогда
Онъ не жилъ ни съ однимъ народомъ,
И такъ скитался годъ за годомъ,
Безцѣльныхъ шесть тоскливыхъ лѣтъ,
Изъѣздивъ чуть ни цѣлый свѣтъ.
Теперь, подъ именемъ Кедара,

Онъ здѣсь себѣ снимаетъ домъ
 У шейха стараго Омара,
 Платя турецкимъ серебромъ
 Ему со щедростью отмѣнной,
 Считая деньги прахомъ браннымъ,
 Какъ тотъ, кому судьба всегда
 Даруетъ блага безъ труда.
 Не заводя знакомствъ широкихъ,
 Кедарь—Мюбарекъ—Эбнъ—Рашидъ
 То днями цѣлыми сидитъ,
 Не выходя за двери дома,
 То средь развалинъ одинокихъ
 Лежитъ съ измученнымъ лицомъ,
 Съ мятежной думой все о томъ,
 Что вѣчно, вѣчно сердце гложетъ,
 Но разорвать его не можетъ,
 И только медленнымъ огнемъ
 Сжигаетъ душу день за днемъ!
 Но надъ душой его имѣла
 Неограниченную власть
 Одна ребяческая страсть,—
 И, создавая призракъ дѣла,
 Она спасала сотни разъ,
 Въ неотвратимо-темный часъ
 Его отъ страшнаго предѣла
 Той безнадежной пустоты,
 Куда стремятся всѣ мечты,
 Грозя безвременной могилой.
 И новья давала силы
 Бороться слабою рукой
 Съ неизлѣчимою тоской
 Онъ съ дѣтской радостью любилъ
 Коней и древнее оружье,
 И всюду за собой возилъ
 Щиты, кинжалы, пики, ружья;
 И сабли всѣхъ временъ и странъ,
 За чемоданомъ чемоданъ,
 Въ скитаньяхъ быстро наполняли
 Полосками старинной стали.
 И семь породистыхъ коней—
 Утѣху странническихъ дней—
 По красотѣ подобныхъ чуду,
 Водили конюхи повсюду,
 Шесть долгихъ лѣтъ, шесть долгихъ зимъ,
 За страннымъ бариномъ своимъ.

III.

Едва заря, полоской алой,
 Орозовила небосклонъ,
 Кедарь выходитъ на балконъ
 И устремляетъ взоръ усталый
 Куда-то въ призрачную даль,
 Какъ будто, тамъ свою печаль
 Убить онъ можетъ въ желтомъ полѣ,
 Мечтая тщетно въ дикой волѣ
 И въ дикихъ радостяхъ земли
 Покой душевной обрѣсти!
 И долго онъ стоялъ, рукой
 Облокотясь на камень сѣрый
 Замшенныхъ издавна перилъ.
 И вдругъ, внезапно, духъ больной
 Въ немъ озарился новой вѣрой,
 Притокомъ свѣжихъ юныхъ силъ:
 Готовъ онъ снова въ тяжкій бой
 Съ непобѣдимую судьбой
 Вступить и радостно и смѣло,
 И, покоривъ ее всецѣло,
 Въ лазурномъ свѣтѣ новыхъ дней,
 Надменно властвовать надъ ней!
 Но вотъ, Кедарь, на плоской крышѣ,
 Внезапно конскій топотъ слышитъ,
 И скоро видитъ предъ собой:
 Съ ружьемъ стариннымъ за спиной
 И съ неразлучной, длинной пикой,
 Стоитъ дитя пустыни дикой—
 Высокій стройный бедуинъ;
 И, снявъ фитильный карабинъ,

Его онъ ставитъ виѣствъ съ пикой,
 И сдѣлавъ наскоро поклонъ,
 Къ нему восходитъ на балконъ.
 — „Ну что же, Дафи, какъ дѣла?“
 — Спросилъ Кедарь у Бедуина,
 Когда прислуга подала,
 По приказанью господина
 Имъ кофе въ бронзовомъ кувшинѣ.
 — „Скорѣе! Въ двухъ часахъ пути
 Сейчасъ сумѣемъ мы найти
 На склонахъ южнаго джебеля
 Пугливыхъ нѣсколько газелей;
 Вели—жъ, хавѣджа, поскорѣй
 Сдѣлать маѣзжанныхъ коней!“
 Такъ юнный Дафи говорилъ,
 И, обжигаясь, кофе пилъ.
 Онъ съ дѣтства выросъ средь полей,
 Что этотъ городъ окружали:
 Деревья, воды, камни знали
 Его верблюдовъ и коней,
 Между которыхъ много дней
 Онъ проскитался, въ нихъ ночуя,
 Съ своей палаткою кочуя.
 И вотъ теперь проводникомъ,
 Въ его охотничьихъ набѣгахъ,
 Кедару служить онъ. О томъ
 Мы пѣсно новую споемъ.

IV.

Алула, Дафи и Кедарь
 На полутемный дворъ выходятъ;
 Коней осѣдланныхъ подводятъ
 Два конюха; и вотъ Харраръ—
 Послушный жеребецъ Алулы—
 Уже къ нему подходитъ самъ.
 И тутъ же мордой темнобурой
 Къ его коричневымъ рукамъ
 Тянуться тихо начинаетъ:
 Вѣдь отъ Алулы ожидаетъ
 Лепешку, какъ привычный даръ,
 Его балованный Харраръ
 Слуга закутанъ въ бѣлой шамъ,
 Вооруженъ стальнымъ копьемъ,
 Кривою саблей и ружьемъ,
 И круглымъ кожанымъ щитомъ,
 Что притороченъ за сѣдломъ.
 Съ своимъ костюмомъ абиссинскимъ
 Ни на землѣ, ни на водѣ—
 Не разставался онъ нигдѣ—
 Теперь Алулу и Харара
 Пока оставивъ всторонѣ,
 Займемся мы конемъ Кедара,
 Рожденномъ въ сказочной странѣ;
 Питомецъ гордый Эр—Рида,
 Краса неждедскихъ табуновъ
 Отъ зоркаго не скрылся взгляда
 Того, кто все отдать готовъ,
 Чтобъ только ѣздить неизмѣнно
 На лучшемъ скакунѣ вселенной!
 И пуще глаза дорожить
 Кедарь—Мюбарекъ—Эбнъ—Рашидъ
 Своимъ любимцемъ знаменитымъ,
 Своимъ горячимъ Вагабитомъ.
 Чудесный снѣжно-бѣлый конь,
 Съ хвостомъ, изогнутымъ дугою,
 Съ великолѣпной головою;
 Онъ весь—стремление и огонь,
 Когда летитъ за серной дикой
 На немъ Кедарь съ короткой пикой.
 И ни жирафъ, ни зебръ ни слонъ,
 Вдымая тщетно клубы пыли,
 Отъ ихъ погонь не уходили,
 Бросая въ степь предсмертный стонъ.
 Среди рiадскихъ табуновъ
 Былъ Вагабитъ однимъ изъ первыхъ
 И самыхъ лучшихъ скакуновъ;
 Изъ мускуловъ стальныхъ и нервовъ

Трепещущих сотканный песь,—
 Онъ такъ былъ выѣженъ умѣло,
 Что и на льва бросался смѣло.
 И могъ, какъ вкопанный, стоять,
 Когда съ сѣдла хотѣлъ срѣлять
 Наѣздникъ, скачущій за звѣремъ;
 И разстоянне глазомъ мѣрилъ,
 Какое нужно проскакать,
 И какъ удобнѣй будетъ стать
 Въ необходимое мгновенье,—
 Онъ былъ наученъ, безъ сомнѣнья,
 Великолѣпно понимать.
 Кружиться быстро, словно птица,
 Вокругъ себя, вокругъ врага
 Умѣлъ проворнѣй, чѣмъ тигрица;
 И буйволь осгрые рога
 Не могъ всадить, къ своей досадѣ,
 Ему ни спереди, ни сзади,
 Когда врага атаковалъ
 Непобѣдимый буцефалъ!
 И былъ послушенъ Вагабитъ,
 Какъ только можетъ, конь Ріада:
 Достаточно лишь звука, взгляда,
 И онъ идетъ или стоитъ:
 И безъ поводьевъ, безъ узды,
 Отлично зная это дѣло,
 Кедаръ въ сѣдло садился смѣло
 Во время полевой ѣзды,
 И при посредствѣ шенкелей,
 Свободно правя средь полей,
 Такъ цѣлый коробъ упражненій,
 Что изобрѣлъ арабскій геній,
 Онъ, безъ особаго труда,
 Любилъ продѣлать иногда,
 Дивя окрестныхъ пастуховъ
 И проѣзжающихъ купцовъ.
 Повѣривъ радужной надеждѣ
 Вновь зародившагося дня,
 Кедаръ садится на коня
 Въ своей изысканной одеждѣ.
 На головѣ его тюрбанъ,
 И неизмѣнный ятаганъ,—
 Издѣлье древняго востока,
 Виситъ на поясѣ широкомъ,
 Съ дамасскимъ выгнутымъ клинкомъ,
 Въ ножнахъ, украшенныхъ богато
 И золотомъ и серебромъ,
 И драгоценными камнями;
 И бирюзой, и жемчугами,
 Украшенъ мастера рукой,
 Эфесъ блистаетъ дорогой;
 А вдоль полоски ятагана
 Змѣею вьется стихъ Корана,
 Горя насѣчкой золотой.
 Два легкихъ дротика въ рукѣ
 И на узорномъ кушакѣ
 Кошель, гдѣ звякаютъ монеты,—
 И шомпольные пистолеты.
 А на сафьяновомъ сѣдлѣ
 Мѣшокъ дорожный абиссинскій
 И старый карабинъ англійскій—
 Гроза величественныхъ львовъ
 И дикихъ шоанскихъ слоновъ.
 Но что же! Въ дальній путь пора,—
 Терять не будемъ время болѣ!
 И тихимъ шагомъ со двора
 Три друга выѣжаютъ въ поле.
 Оставивъ позади базаръ
 И пыльных улицъ душный жаръ,
 Они предмѣстья будятъ топомъ
 Коней, несущихся голопомъ
 По тамариндовой аллеѣ
 И небо пурпуромъ алѣетъ.

V.

Среди песковъ, среди камней
 Они до вечера скитались

Подъ зноемъ солнечныхъ лучей
 И утомивъ своихъ коней,
 Теперь обратно возвращались
 Друзья усталые домой,
 Въ степи не встрѣтивъ ни одной
 Пугливо-чуткой антилопы.
 И гулко раздавался топотъ
 Въ вечерней тишинѣ полей
 Ходой идущихъ лошадей
 Но вотъ въ арабскую деревню
 Они выѣзжаютъ по пути,—
 Здѣсь могутъ водопой найти
 Охотники конямъ усталымъ,
 Гдѣ, за печальнымъ переваломъ,
 Родникъ холодный много лѣтъ
 Лепечетъ странникамъ привѣтъ
 И что-жъ?—У древняго колодца,
 Подъ купой финиковыхъ пальмъ,
 Встрѣчаютъ всадники, съ кувшиномъ
 Дочь бальзамическихъ степей.
 И жгучимъ взглядомъ глазъ орлиныхъ
 И кольцами густыхъ кудрей
 Она мгновенно привлекаетъ
 Вниманье нашихъ трехъ друзей.
 Кедаръ спокойно наблюдаетъ,
 Тогда какъ Дафи, прочь съ коня,
 Поспѣшно на землю слѣзаетъ,
 Стараясь скрыть смущенный видъ—
 И съ нею тихо говоритъ.
 Она кувшинъ на камень ставитъ
 И, кожаное взявъ ведро,
 Рукою смуглой на бедро
 Такъ опираясь граціозно,
 Бадью другою осторожно
 Въ родникъ глубокой опускаетъ—
 И быстро снова вынимаетъ,
 Воды набравши пополнѣй,
 И жаждущихъ поить коней.
 Наѣздники благодарятъ
 И, отдохнувъ еще немного,
 И, бросивъ вслѣдъ прощальный взглядъ,
 Опять пускаются въ дорогу.
 Кедаръ въ пути уже узналъ,
 Что то была невѣста Дафи,
 —„Земруда,—бедуинъ сказалъ—
 Кто можетъ быть ея прекраснѣй?
 Ее люблю я съ юныхъ дней—
 И отъ тебя, Кедаръ, не скрою,
 Что будетъ скоро ужъ моею
 Земруда милая женою!“

VI

Алула чистилъ карабинъ
 Подъ тѣнью стараго каштана,
 Что росъ широко средь двора,—
 И думалъ: вотъ опять одинъ
 Сидитъ, замкнувшись, господинъ;
 Знать, старая раскрылась рана,
 И, можетъ быть, уже пора
 Намъ снова съѣхать со двора
 И въ путь пуститься безконечный,
 Забывъ про отдыхъ скоротечный.
 Но только нѣтъ, на этотъ разъ
 Не отгадалъ слуга Кедара:
 Томила грудь не раной старой,—
 Она, какъ злой дикообразъ.
 Вонзая вѣчно въ сердце иглы,
 И такъ къ душѣ его приникла,
 И никогда—ни день, ни ночь,
 Увы, не уходила прочь!
 Но тутъ прибавилось еще
 Одно стороннее мученье;
 Оно мутило дней теченье,
 Охотничье—веселыхъ дней,
 Что проводилъ онъ средь полей
 И кочевавшаго аула
 Съ горячимъ Дафи и Алулой.

Была-ль то зависть къ бедуну,
Иль чувство, вспыхнувшее вновь,—
Что называемъ мы любовь,—
Но только дальнюю равнину,
Гдѣ онъ Земруду увидалъ,
Кедаръ тревожно вспоминалъ.
И образъ дѣвушки степей,
Въ теченіи всѣхъ послѣднихъ дней,
Тоскою сумрачной и жгучей
Его больную душу мучилъ;
И двѣ бороздки межъ бровей
Обозначались все чертѣй.
И чей—то голосъ, злой и сильный
Ему шепталъ: Кедаръ, Кедаръ,
Ужели до плиты могильной
Ты не отвергнешь горькій даръ—
Своей тоски не позабудешь
И дни влачить въ печали будешь
Неукротимымъ и больнымъ,
Когда ты можешь стать инымъ?
О, захоти душою сильной!
Отвергни гордо прахъ могильный,
И, черезъ новую любовь,
Для жизни ты воскреснешь вновь!
И такъ, въ борьбѣ съ самимъ собою,
Кедаръ провелъ немало дней,
Ни разу не открывъ дверей,
Ни разу не ступивъ ногою
Въ серебряныя стремяна,—
Почти безъ пищи и безъ сна.
И Дафи пріѣзжалъ не разъ,
Но получалъ всегда отказъ.
Обиженный и удивленный,
Онъ поникалъ челомъ смущеннымъ,—
Кедара онъ не понималъ,—
И вскорѣ ѣздить пересталъ.

VII.

И вотъ однажды, ночью звѣздной,
Сомнѣній сбросивъ тяжкій гнетъ,
Вдохнувъ дыханье темной бездны,
Что къ преступленью насъ зоветъ,
Кедаръ вдвоемъ съ своимъ слугою,
Уже знакомою тропюю,
Въ просторы дремлющихъ степей
Направилъ бодрый бѣгъ коней.
И полъ покровомъ тьмы ночной,
Плѣненный юной красотой,
Кедаръ мятежный въ городъ древній
Увезъ Земруду изъ деревни.
И тщетно вся ея родня
Искала плѣнницу три дня,
Не находя нигдѣ Земруды;
Когда же кони и верблюды
Погоней трудной утомились,
Они печально возвратились
И порѣшили, что она
Съ семьей навѣкъ разлучена.
А между тѣмъ, въ дому Кедара
Земруда нѣжная жила,
И— долго грустной не была.
Пришлецъ ей нравился; хотя
Она его слегка боялась,
Какъ беззащитное дитя;
И, въ то же время, съ каждымъ днемъ,
Все больше, больше увлекалась,—
(Всегда съ однимъ, всегда одна)—
Своимъ владыкою она;
И лишь о немъ, всегда о немъ
И день и ночь въ тиши мечтая,
И о другомъ позабывая,—
Чьей быть женой она должна
Была, согласно договору,
Что Дафи заключилъ съ отцомъ;
Она и самый отчій домъ
Уже въ душѣ забывала,
И о деревнѣ не скупала.

Какъ нѣкій сказочный калифъ,
Всей нѣгой роскоши востока
Свою Земруду окруживъ,
Кедаръ, какъ прежде одинокій,
Мечталъ о грезахъ прежнихъ лѣтъ,
Которыхъ въ сердцѣ больше нѣтъ.

(Закончаніе въ слѣдующемъ № 8).

Глѣбъ Сазоновъ.

КЪ ИНТЕЛЛИГЕНТУ.

Иди въ страдающій народъ:
Онъ такъ убогъ, такъ бѣденъ, сирь!
Веди его съ собой впередъ,
Гдѣ правды свѣтлой—свѣтлый пиръ.

Не вѣрь навѣтамъ, клеветѣ,
Народу грѣхъ его—прошай;
Люби народъ и въ наготѣ
И темныхъ красокъ—не сгущай.

Свободно, смѣлою рукой
Веди туда, гдѣ вѣчный свѣтъ,
Гдѣ нѣтъ ни слезы, улыбки злой,
И лести незамѣтенъ слѣдъ!

Май 1918 г.

Г. Тихоновъ.

Озеро Нэми.

Свѣтлый гимнъ блистательному солнцу
Миръ поетъ въ сіяющихъ лучахъ;
И подьземлють горы, все въ лучахъ,
Нэми—зеркало къ смѣющимся солнцу.

Этотъ воздухъ свѣтлый и жемчужный,
Онъ поетъ, какъ нѣжная свирѣль...
И въ душѣ моей—поетъ свирѣль!
И въ мечтахъ—Твой свѣтлый ликъ жемчужный.

Тамъ въ лучахъ недалеое Дженцано,
И въ лучахъ, здѣсь, замокъ Орсини;
И смѣются: замокъ Орсини,—
И за озеромъ, смѣющимся, Дженцано,

И въ душѣ моей смѣется Красота,—
Красота таинственнаго Нэми;
Что сквозь жемчугъ проблескъ солнца—Нэми!
Ахъ, въ душѣ моей смѣется Красота!

г. Нэми.

Глѣбъ Сазоновъ.

Къ свѣту.

Цѣлую исторію настроеній въ обществѣ пережилъ у насъ школьный вопросъ. Изъ мечты, раздѣляемой немногими, онъ становился постепенно мечтою общей, а изъ общей мечты обращается въ сознаніе необходимости. Изъ сознанія необходимости—въ сознаніе опасности. Для государства, для общества, для національной самостоятельности.

Народное просвѣщеніе сначала базалось утопией, быть можетъ, вредной, безумной, чуть не фантазіей народныхъ волюндумцевъ.

Потомъ, шагъ за шагомъ, народная школа становится идеаломъ, прекраснымъ, но все-таки трудно достижимымъ.

Грамотность—полезна, необходима, какъ вода и воздухъ. Потихоньку, понемногу:

„Ученіе—свѣтъ, неученіе—тьма“.

И наконецъ: всеобщее обученіе—настоятельная потребность, національная самооборона, борьба съ врагомъ народа—невѣжествомъ. Если когда-то видѣли опасность въ просвѣщеніи и сулили вмѣстѣ съ его введеніемъ гибель общественнаго строя, нравственное разложеніе, потерю національной самобытности, то сейчасъ, наоборотъ, страшнымъ кошмарнымъ призракомъ, пугающимъ воображеніе, встаетъ всеспальное чудовище—народное невѣжество.

Отъ него вмѣсто, а не отъ свѣта разума всѣ ждемъ мы въ эти дни опасности, боимся даже гибели.

Въ теченіе 250 тѣ лѣтъ Россія затратила огромныя средства, неисчислимыя силы, чтобы устроить русское государство, оградить его отъ внѣшнихъ враговъ, ввести законность въ людскія отношенія, создать оплотъ изъ войска и флота, покрыть страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ, устроить сложный механизмъ управленія.

И Россія дѣйствительно достигла колоссальныхъ результатовъ во внѣшней культурѣ. Но за время этихъ гигантскихъ усилій, этого титаническаго строительства народными руками, самъ онъ, работая для будущаго, оставался въ большинствѣ темнымъ и невѣжественнымъ. Народъ оставался все тѣмъ же, едва-едва плетясь по пути умственнаго прогресса по ухабистой проселочной дорогѣ, грязной и непроходимой, съ остановками и дорожными невзгодами, въ то время какъ прогрессъ внѣшній мчался въ экспрессѣ, въ вагонахъ, отдѣланныхъ бархатомъ и бронзой.

Народъ началъ замѣтно хирѣть и вырождаться, не умѣя справиться съ новыми условіями жизни. Онъ постепенно терялъ старыя традиціи, и рушился, шагъ за шагомъ, его патриархальный укладъ мысли; а взамѣнъ онъ не получалъ новыхъ умственныхъ устоевъ, поваго compassa въ морѣ новой общественной и экономической жизни. И если великъ и силенъ до сихъ поръ этотъ народъ—это потому, что онъ дѣйствительно великъ и силенъ; потому что другой народъ на его мѣстѣ выродился бы совсѣмъ, духовно и физически въ объятіяхъ своего злѣйшаго недруга—невѣжества. Другой бы выродился, а нашъ еще выдерживаетъ. Но всему есть предѣлъ, и нѣтъ той духовной силы, которая бы не сдалась, рано или поздно не пришла въ упадокъ. И за все то, что сдѣлано этимъ великимъ народомъ: за его стойкое мужество, за его гражданскую доблесть, за его стоическую преданность государственной идеѣ, за его природную духовную мощь, доселѣ не изытую,—народъ этотъ достоинъ того, чтобы мы привели величайшую жертву, напрягли всѣ силы, собралъ-бы огромную рать просвѣщенныхъ людей для побѣдоносной борьбы съ болѣе злѣйшимъ врагомъ, чѣмъ внѣшніе враги,—съ народнымъ невѣжествомъ. Для этой борьбы время пришло, и оно не терпитъ...

Нѣтъ благого начинанія, нѣтъ самыхъ прекрасныхъ проектовъ, самыхъ благожелательныхъ реформъ, распоряженій, законовъ, которые бы не разбавались и не вызвали разочарованія, при встрѣчѣ съ неизблемой стѣной народнаго невѣжества. Мы всѣ, всѣ наши дѣла и общественныя и частныя—въ путяхъ этого общаго врага.

— У насъ этого нельзя, у насъ изъ этого ничего не выйдетъ. И все потому, что не поймешь, не оцѣнишь, не отзовется живой мыслью, энергичнымъ дѣломъ бѣдный русскій народъ, сплывшій отъ природы, но—въ цѣпяхъ невѣжества и его вѣрной спутницы—подавляющей нужды.

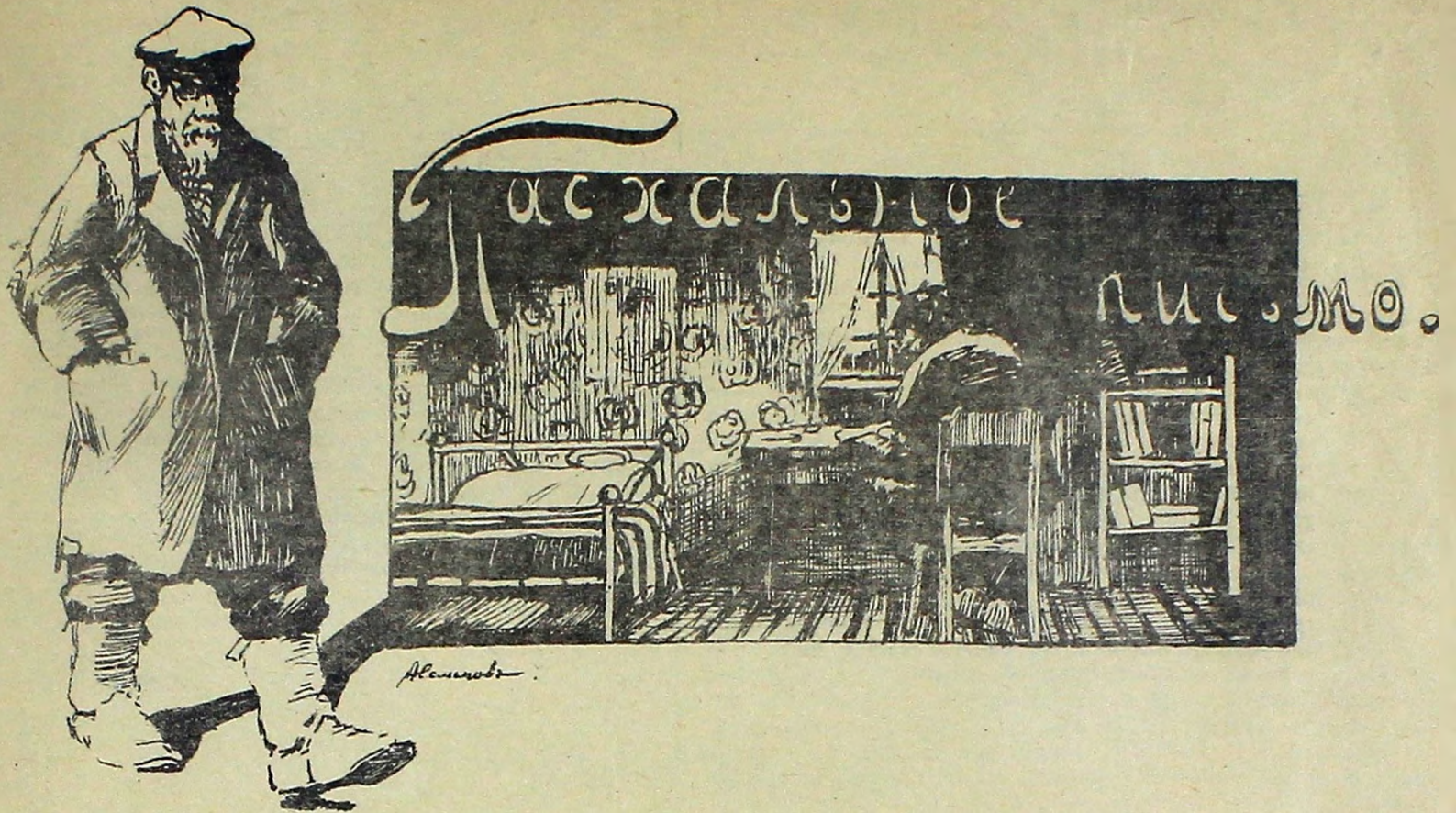
Мы боимся провести энергичную реформу, думая, что народъ встрѣтитъ ее, какъ встрѣчалъ просвѣщенные усилія врачей во время холеры. Мы, по совѣсти, не вѣримъ въ народъ, въ его предприимчивость, въ его экономическій ростъ, и всякое коммерческое предпріятіе рассчитываетъ на богатый классъ, на заграничный вывозъ, а не на многомилліонный мужицкій рынокъ.

И всегда, во всемъ, что бы ни дѣлали, опасливо спрашиваютъ:—А что скажетъ народъ? т. е., какъ отзовется на дѣло прогресса тупое, страшное чудовище рутины и невѣжества. Мы глубоко вѣримъ въ народъ, какъ въ подоплечную, созидательную силу, но не вѣримъ въ возможность стать этой силой разумной.

Мы какъ-то боимся народа и не вѣримъ въ него. По одну сторону зрѣетъ спѣлымъ колосомъ русскій умъ, отягченный избыткомъ знаній, и сохнетъ отъ бездѣятельности, какъ несжатая нива, и зерна свои бросаетъ въ пыль. И уже гниютъ они, обращаясь въ прахъ, уже подернула ихъ злая чернь спорынья самоотрицанія, завелся въ нихъ сосущій червь безнадежности и безвѣрія въ свои силы. А по ту сторону—цѣлина непочатая, непаханное поле, дебри густыя, но уже прошла по нимъ засуха, изсыкаетъ естественная влага, валятся вѣковые дубы; а молодая поросль чахнетъ и хирѣетъ, желтѣетъ когда-то пышная трава, удушаютъ испаренія сохнущихъ и загнившихъ болотъ, и пески вѣютъ на плодородную почву и заносятъ ее, и стонетъ отъ духовной жажды, ждетъ могучей помощи «та сторона». Еще ничто безнадежно не погибло ни тамъ, ни здѣсь. Еще жива надежда, и вѣра не вовсе изсыкла. Но время однако не ждетъ...

Пусть же русскій умъ оплодотворитъ эту мощную народную ниву и угаситъ собственную жажду дѣла и духовный голодъ народа... Въ готовыхъ границахъ, стоимыхъ столько народныхъ силъ, въ рамкахъ внѣшняго строительства зацвѣтетъ роскошный садъ внутренней осмысленной и сознательной жизни. И сторяцею заплатитъ народъ въ свое время, въ тысячу разъ заплатитъ за всѣ наши жертвы позвавший свѣтъ народъ русскій. Передъ этой великою задачей все остальное умалется въ нашемъ сознаніи, и мы теперь яснѣе, чѣмъ когда-либо, въ переживаемое нами лихолѣтье видимъ воочию, что народное просвѣщеніе не красивая мечта, не надежда отдаленнаго будущаго, а грозная опасностью необходимостью настоящаго. Всеобщее народное просвѣщеніе, широкое и обязательное, это—возвущающая радостно надежда всей нашей матери Россіи, ея чарующая вѣра въ лучшее будущее, жгучее и отрастное ожиданіе всего искренно русскаго общества.

Сократъ Ремезовъ.

Читатель, взгляните на небо! Не правда-ли, какъ оно улыбается вмѣстѣ со своимъ красавцемъ-солнцемъ и тонкими прозрачными облаками? Попробуйте и вы такъ же улыбнуться... И не пробуйте: заранее говорю—глупо выйдетъ. А мой хорошій другъ, учитель начального училища, Алексѣй Васильевичъ Храмовъ, къ моимъ словамъ еще непременно лобавитъ: „Милостивый Государь (или государыня) въ, современный періодъ, когда нѣтъ хлѣба, нѣтъ порядка, когда и т. д.—смотрѣть на небо и улыбаться,—это... это по меньшей мѣрѣ несолидарность въ настроеніяхъ“. Вотъ что онъ скажетъ, дорогой читатель.

Впрочемъ, я здѣсь долженъ оговориться. Не думайте, пожалуйста, что мой другъ принадлежитъ къ числу тѣхъ пессимистовъ которые, вставши утромъ съ лѣвой ноги, начинаютъ огорашивать первыхъ встрѣчныхъ самыми чудовищными пророчествами, вродѣ слѣдующихъ:

А знаете что, Иванъ Петровичъ? „заявляетъ онъ гробовымъ голосомъ своей жертвѣ.

— Что такое, голубчикъ? дрожа душой и тѣломъ, отвѣчаетъ жертва.

— Я вамъ долженъ сказать, что вы на этой недѣлѣ умрете“.

— Во имя Отца и Сына... Господи .. Сафронъ Григоричъ! Съ чего это вы взяли то?...

— Предчувствія, братъ! Ничего не подѣлаешь.

А, встрѣтивши своего кума, холостяка Акима Петровича, онъ съ таинственно-мрачнымъ видомъ беретъ его за руку и, отведя въ сторону, спрашиваетъ, чуть ли не шопотомъ:

— Кумъ, сколько тебѣ лѣтъ?

Кумъ съ недоумѣніемъ смотритъ на пессимиста и отвѣчаетъ: Да ужъ поздновато жениться-то: пятьдесятъ девятый пошелъ.

— Ну, братъ, совсѣмъ плохо. Скоро видно придется намъ съ тобой разстаться.

— Что такое? Или что случилось съ тобой?

— Не со мной, а съ тобой, мрачно поправляетъ пессимистъ. Я увѣренъ, что не сегодня—завтра появится такой декретъ:

„Въ виду сокращенія до катастрофическихъ размѣровъ поступленія пищевыхъ продуктовъ, и въ виду того, что всѣ Цики и Совдепы въ дѣлѣ распредѣленія между гражданами продолжительности жизни на землѣ рѣшили единогласно придерживаться великихъ принциповъ равенства и справедливости,—приказываемъ всѣмъ исполнительнымъ органамъ слѣдующее: всѣхъ гражданъ и гражданокъ федеративной

Россійской республики, имѣющихъ къ 1-му іюня 1918 г. ровно 56 лѣтъ и болѣе, отправлять въ срочномъ порядкѣ на тотъ свѣтъ. Работу производить въ полномъ контактѣ...

Но, тутъ Акимъ Петровичъ не выдерживаетъ и, перебивая его, съ испугомъ и злобой кричитъ на пессимиста: „Да ты, что? Съ ума што ль спятилъ?! Или шутишь?“...

— Къ сожалѣнію—ни то, ни другое.

— Ну, какъ же это такъ? Ты самъ подумай; ни зашто, ни про што—на тотъ свѣтъ! Какимъ это образомъ?..

— А ужъ это скажутъ, какимъ образомъ.

Особая инструкция объ этомъ будетъ. Такъ-то, куманекъ! Спасибо, скажешь и за то, что уже третій годъ живешь сверхъ программы...

Пессимистъ хлопаетъ ободрительно по плечу сбитаго съ толку кума и отправляется дальше.....

Нѣтъ, дорогой читатель! мой другъ, Алексѣй Васильичъ Храмовъ не къ этой породѣ людей принадлежитъ.

Не такъ онъ думаетъ и не такъ говоритъ. Если вы интересуетесь его мыслями, то я могу кое-что сообщить. И даже познакомить съ нимъ лично могу. Вы его не знаете? О, его очень легко угадать. Выше средняго роста, худой, сутуловатый. Цвѣтъ лица блѣдный. Глаза грустно-задумчивые. Борода—чаще небритая. Его еще можно узнать по костюму. Я не знаю почему, читатель (спросите лучше самого Алексѣя Васильича), но долженъ только сказать вамъ слѣдующее: фуражка, пальто, сапоги и брюки страшно сжились съ моимъ другомъ и никакъ не могутъ съ нимъ разстаться. Напримѣръ, фуражка, съ плюсовымъ околышемъ, синимъ верхомъ и чернымъ козырькомъ, вся уже облѣзла, три раза перемѣняла окраску—и все таки не разстается съ головой 5-ый годъ. Пальто—неопредѣленнаго цвѣта, безъ пуговицъ и съ дырками на локтяхъ—8 ой годъ. Брюки же такъ полюбили своего хозяина, что, во имя продленія совмѣстной жизни, прибѣгали къ слѣдующимъ уловкамъ: 1-я—перелицовка; 2-я искусное заштопываніе заднихъ частей, и 3-я—урѣзываніе себя снизу (вѣдь все равно, за голенищами сапогъ не видно!) и накладываніе своего тѣла на болѣе видныя части, какъ, напримѣръ, колѣни. Эту послѣднюю уловку можно назвать, дорогой читатель, самозаштопываніемъ.

Думаю, что теперь вы угадаете Храмова и потому приглашаю васъ познакомиться хотя бы съ небольшой частью его мыслей.

Впрочемъ, могу еще и адресъ сообщить: улица Овражная, домъ № 11, кв. № 17 (ходъ со двора.). Только одно предупрежденіе: когда вы будете подниматься по лѣстницѣ на третій этажъ, то прошу Васъ, пожалуйста, не опирайтесь,

И въ результатѣ—дикіе самосуды: привязываніе къ хвостамъ лошадей, сжиганіе на кострахъ, закапываніе живыхъ въ землю и т. д. и т. д.

Выходъ изъ создавшейся для насъ трагической обстановки только одинъ: общая, согласованная на принципахъ совѣсти и разума, просвѣтительная и созидательная работа.

Когда мы общими усилиями сумѣемъ побороть темноту, невежество и эгоизмъ, то смѣло (и, заранее говорю, съ успѣхомъ) можемъ строить формы социальной жизни съ національной окраской. Когда же всѣ народы разрушатъ стѣну национализма—мы съ гордостью и сердечнымъ трепетомъ запишемъ: исторія вступила въ періодъ міровой социалистической коммуны.

Написавъ послѣднюю строку, Храмовъ полежиль ручку на столикѣ и, откинувшись на спинку стула, выпрямился и об егченно вздохнулъ...

—Нѣтъ, ты мнѣ скажи, дядя Акимъ: можно жить на полфунтъ чернаго хлѣба въ день, аль нѣтъ? „долетѣлъ вдругъ до слуха Храмова (форточка была открыта) женскій голосъ, полный скорби и нескрываемой злобы.—Вѣдь я ужъ про одежду да про обувь-то и не говорю! Ну, а какъ же безъ ѣды-то? А?...“

—Да трудненько. Шго тамъ объ ефгомъ и бантъ, отвѣчалъ мужской—спокойный и почти безучастный голосъ.

—Кто это тамъ злободневщиной занимается?, подумалъ Храмовъ. Нужно взглянуть. Приподнялся и посмотрѣлъ въ окно.—А, это Авдотья (жена мѣстнаго мѣщанина, поддерживающаго свое девятиголовое семейство сапожнымъ ремесломъ) А около нея кто?... Кажется, мужичекъ изъ ближней деревни.

Авдотья продолжала изливать передъ своимъ слушателемъ и собесѣдникомъ всю накопившуюся горечь души обывателя.—Вотъ тебѣ и слабоды, кричала она. Дождались!... Подошли бы они всѣ, собаки немилыя, съ такой слабодой! Ироды, мучители наши... Они жрутъ, чего изволите, въ ахтамбияхъ развѣзжаютъ,—а тутъ мри! Сицилисты—буржуи проклятые!..

Акиму навѣрное не очень пріятно было слушать выкрики Авдотьи, да и самому хотѣлось кое-что сказать. Поэтому онъ послѣдилъ останозить Авдотью слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Оно знамо, порядокъ плохой пошелъ. Вездѣ, знычить, слабодно очень стало... Озорства этого всякаго пошло—и не казни, Господи! Насчетъ лиригии вотъ тожь“..

При послѣднихъ словахъ Авдотья вся тотчасъ же превратилась въ слухъ и вниманіе—Што, аль и у васъ ужъ говорятъ—Бога не надо?!

—А кто ихъ знаетъ. Но, да у насъ не того... Но не договоривъ этой мысли, Акимъ сразу приступилъ къ тому, что ему хотѣлось сообщить.

—Намеднись пришелъ на сходъ Парфила Комарова сынъ, Мигька. Въ солдатахъ онъ былъ. Ну вотъ, знычить, пришелъ и говорить:

—„Такъ и такъ, молъ, старики, леворюцію нашу буржуи продаютъ, а потому мы ихъ должны душить и вѣшать. Первымъ дѣломъ нужно сжечь имѣніе Шереметевыхъ; вторымъ дѣломъ—покончить съ учительшей, потому-что, будто бы она тоже продалась буржуйамъ. Ну, думаемъ себѣ, балакай дальше, Пока что, понутру.“

—А за дорого продалась буржуйамъ учительша-то?...

—Какое тамъ продалась! Потомъ разобралось дѣло-то: навралъ мошенникъ—царство небесное ему теперь. А ты слухай дальше.—А третьимъ дѣломъ, говоритъ, нужно попу выгнать. Обыкновенно, бабы подняли крикъ, ругань. Ну мы ихъ, кой-какъ уняли. Говоримъ: „вы, дуры, сначала выслушайте до конца, а потомъ кричите, онъ можа поповъ-то другихъ, получше нашель...“

А Митька вдругъ и говоритъ: Никакихъ намъ поповъ не нужно... А давайте, говоритъ, старики, въ нашей Ильинской церкви тятръ устроимъ или какое-либо еще общественное обзаведеніе.—Мы такъ всѣ и ахнули.. А потомъ, какъ принялись за него—и давай дупить.. Избили, какъ собаку. Потомъ положили въ мѣшокъ, завязали вмѣстѣ съ камнемъ да и въ рѣчку...

—Царство ему небесное, крестясь и вздыхая, сказала Авдотья. И черезъ минуту добавила: „А все таки имъ, иродамъ, такъ и нужно! И кто это правду-то у насъ, наконецъ, установитъ? И когда“..

Акиму не отвѣчалъ: онъ сосредоточенно смотрѣлъ всторону и о чемъ-то думалъ. Установилось обоюдное молчаніе. Если бы Акимъ увидѣлъ, что его отвѣта дожидаются два лица: одно—съ вѣрой и надеждой на его умъ и спытъ (это Авдотья), а другое—съ любопытствомъ и затаеннымъ желаніемъ лучшаго отвѣта (Храмовъ), то гнѣвъ, навѣрное бы, сказалъ не то, что у него на душѣ было. Но Акимъ не видѣлъ Храмова и потому минутъ черезъ пять, почесывая поясницу, задумчиво произнесъ:

—Хуть бы царъ што-ль?..

При этихъ словахъ Храмовъ вздрогнулъ...

Лицо его стало еще серьезнѣе и печальнѣе...

Авдотья молчала...

А потомъ, отдаваясь свободнымъ скачкамъ мысли, она вернулась къ болѣе близкому и дорогому ей вопросу: „А ужъ насчетъ лиригии—никогда по ихнему не бывать! Мы имъ, антихристамъ, за Бога-то-глаза всѣ выцарапаемъ!“

Дальше Храмовъ не слушалъ... Онъ быстро отошелъ въ полуосвѣщенный уголь, гдѣ стояла кровать, легъ на нее внизъ лицомъ (при чемъ правая нога его соскользнула на полъ, но мой другъ не чувствовалъ этого) и глубоко задумался....

Апрѣль—1918 года.

Геннадій Тихоновъ.

* *

Въ золѣ сторающихъ раздумій
Мстаѣли книги прежнихъ лѣтъ;
И проза—лики черныхъ мумій;
И рнѣмы—чопорный балетъ...
За годомъ—годъ: темнѣй, угрюмѣй
Пустыхъ небесъ дрожащій свѣтъ;
Лишь здѣсь, на днѣ, въ безумномъ трюмѣ
Тоски неизгладимый слѣдъ...
Въ неясной мглѣ,—въ нестройномъ шумѣ
Скользящихъ надъ землею лѣтъ—
Вездѣ—вдали—костры безумій;
Вездѣ—вблизи—угасшій бредъ...

Б. В. Анскій.

Прощальная пѣнь.

перев. изъ Эдмонда д., Арокура.

Разставанье для души
Это смерть всего, что любо...
Сколько грезъ, разбитыхъ грубо,
Сколько слезъ въ ночной тиши!..
Какъ печаль самой мечты,
Какъ поэмы грустной звуки,
Такъ рыдаютъ при разлукѣ
Скорби черные цвѣты.
Безпопадень рокъ къ сердцамъ;
Онъ всегда сулитъ страданье,
И при каждомъ разставаньи
Безнадежно грустно намъ:
Вѣдь разлука—смерть мечтамъ!..

Перев Г. Сокольскій.

Редакторы: | Г. Сокольскій.
| А. Т. Горшковъ.
| Н. И. Баженовъ.